

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

Глобальный управляющий класс

Новая мировая элита на авансцене истории

Кардинальное упрощение коммуникаций в ходе глобализации объективно способствует сплочению представителей различных имеющих глобальное влияние управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, медиа и культуры на основе общности личных интересов и образа жизни. Образующие его люди живут не в странах, а в пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны расположения, а их общие интересы обеспечивают частные наемные армии.

Новый глобальный класс собственников и управленцев противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца (нерасчлененного «хозяина» сталинской эпохи, что является приметой глубокой социальной архаизации), но и в качестве глобальной, то есть всеобъемлющей, структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране и не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков. В силу самого своего положения «над традиционным миром» он враждебно про-

тивостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой, и в первую очередь — традиционной государственности.

Под влиянием процесса формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а глобального управляющего класса. Соответственно, они переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в его интересах, в интересах конгломерата борющихся друг с другом глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Естественно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления).

Это именно та ситуация, которую мы на протяжении последних двух десятилетий наблюдаем в России.

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич — главный редактор журнала «Свободная Мысль», директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук.

Это именно та ситуация, против которой восстают люди не только в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но даже и в самой цитадели глобального управляющего класса — США. Так, в Висконсине в конце февраля 2011 года 25 тысяч госслужащих штурмом взяли сенат и несколько административных зданий, затем беспорядки охватили Алабаму, Огайо, многие крупные города вроде Филадельфии.

Официальные СМИ всего мира молчат об этом не потому, что это вредно американцам, но потому, что это вредно глобальному управляющему классу. На наших глазах и с нашим непосредственным участием мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится национально-освободительная борьба обществ, разделенных государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального управляющего класса. Это содержание с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил — ибо традиционная разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими теряет значение перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии «новых ковчиков».

Практически впервые в истории теряют значение и противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом. Они оказываются незначительными перед глубиной общих противоречий между силами, стремящимися к благу отдельно взятых обществ, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания еще одного —

как ни парадоксально, патриотического — Интернационала, объединенного общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естественного образа жизни и суверенитета своих народов.

Большой Ближний Восток: кто является актором?

В силу своего неформального, сетевого и слабо структурированного характера глобальный управляющий класс слабо наблюдаем; его деятельность можно отслеживать в основном по косвенным признакам.

Так, как следует из воспоминаний отставных сотрудников ЦРУ, в 1985 году против общего врага — Советского Союза — сложилась новая глобальная сеть — техасско-саудовский клан, способствовавший снижению мировых цен на нефть и тем самым крушению Советского Союза. В 2003 году активность этого клана проявилась «в негативной форме»: уничтожение Ирака как суверенного светского государства было невыгодно и США, и Саудовской Аравии как государствам, но принесло огромные прибыли нефтяным сообществам обеих стран.

Глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране и не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков.

Но впервые в явной форме глобальный управляющий класс проявил себя, насколько можно судить, в ходе продолжающейся серии волнений, восстаний и революций на Большом Ближнем Востоке, в первую очередь

в Северной Африке и Сирии. Именно его активность, как представляется, породила бросающееся в глаза противоречие между полной неожиданностью для США событий в Тунисе (которые «дали старт» арабским революциям) и стремительностью их реакции (от использования материалов «Wikileaks» до распространения профессиональных инструкций для революционеров) на события в Северной Африке в целом.

Причина противоречия в том, что в рамках одной и той же государственной оболочки США сегодня действуют два принципиально различных по своим устремлениям, хотя совпадающих по институтам (а порой и по отдельным людям) субъекта: национальная бюрократия и манипулирующий ею и (во многом «втемную») использующий ее как свой инструмент глобальный управляющий класс. События в Тунисе стали неожиданностью для близорукой, инерционной и во многом «ситуационно реагирующей» на события, а не активно конструирующей их, национальной бюрократии. Глобальный управляющий класс, насколько можно понять, готовил их — и с восторгом воспользовался началом революционного процесса.

Причины усилий Запада по дестабилизации Большого Ближнего Востока (при всей объективной остроте проблем этого региона без этих усилий он сохранил бы стабильность) многослойны. На поверхности мы видим традиционную логику борьбы за ресурсы. Здесь в рамках общей тенденции архаизации налицо возврат к логике колониализма, ведшего войны за непосредственный контроль за территориями, в первую очередь за нефтью и водой Ливии. Кроме того, налицо месть Каддафи за социализм, а точнее — за трату ресурсов на обеспечение социальной справедливости. Принципиально важно, что эта месть никак не связана с ответственностью за теракт в Локерби, — сами ливийцы

считали его ответным шагом, но Каддафи откупился от Запада, выдав непосредственных исполнителей, заплатив деньги и допустив в Ливию иностранный капитал. Это ярко характеризует вполне средневековый характер правового сознания лидеров «всего прогрессивного человечества»: заплати выкуп — и живи спокойно!

Но при этом не забывай, что ресурсы твоей страны рассматриваются этими лидерами как принадлежащие «всему человечеству», то есть, в переводе на обычный язык, глобальным корпорациям, чьи интересы они представляют. И когда Каддафи платил тысячу долларов медсестре, а 64 тысячи — молодой семье; когда он почти втрое увеличил свой народ за счет создания для него человеческих условий жизни, когда он обеспечивал почти бесплатный бензин, бесплатное образование, здравоохранение и электричество — он превращал себя во врага отнюдь не столько Чубайса. Делом развенчивая догмы либеральной пропаганды о том, что бесплатной социальной сферы не бывает, он невольно (ибо в последние годы начал вводить в политику серьезные элементы либерализма, из-за чего его поддержка и ослабла) создавал смертельную угрозу разоблачения ее лжи.

Кроме того, делясь нефтяными доходами с народом Ливии в значительно больших масштабах, чем мы видим это в России, он лишал этих нефтяных доходов западную финансовую систему. Ведь олигарх или коррупционер, разворовывая деньги народа, выводит их основную часть на Запад, в результате чего они попадают в западную финансовую систему и поддерживают ее существование. Если же государственный деятель отдает деньги народа самому народу, эти средства остаются в стране и не подпитывают финансовую систему его стратегических конкурентов. Таким образом, уничтожение «режима Каддафи» нацелено не только на

прямой захват богатств недр Ливии, но и — если это не удастся — на концентрацию доходов от экспорта сырья в руках кучки компрадоров и коррупционеров, которые все равно никуда не денутся и введут эти средства в финансовую систему Запада.

Современная, постмодернистская надстройка традиционной стратегии захвата ресурсов заключается в том, что, если все пойдет наперекосяк, и освоение ресурсов станет невозможным, это не причинит управляющей группе никаких сколь-нибудь заметных неудобств: она просто сменит стратегию, несколько отклонит фокус применения своих сил. Дело даже не в том, что контроль за ресурсами в информационный век важнее их использования. Дело не в том, что тот факт, что нефть не принесет прибыли конкурентам, важнее того, что она вообще никому не принесет прибыли. Прежде всего она принесет прибыль в качественно новом, информационном смысле: изъятие ресурсов из оборота, создав дефицит, повысит цены — и повысит спрос на доллар, продлив функционирование их все менее контролируемой заправки в мировую экономику.

Но преследование этой выгоды является лишь частным случаем новой стратегии глобального управляющего класса — хаотизации. Исчерпание стратегии «управляемого хаоса» и ее трагический провал в Ираке оказались плодотворными: они показали возможность и эффективность качественно новой стратегии «неуправляемого хаоса», которую мы видим в Северной Африке и которую мы еще увидим не только в Сирии, но и в Израиле. Логика проста: «в мутной воде можно поймать более крупную рыбу», хаос дает больше возможностей скачком наращивать власть и богатство, а главное — резко менять траекторию и саму логику развития целых обществ. Эмансипация же глобального управляющего класса от стран его происхождения (кро-

ме, возможно, Швейцарии, Ватикана, Люксембурга, Монако и некоторых подобных государственных образований) снимает всякие ограничения на провоцирование хаоса: до «Пелоруса» с его подлодкой и собственным ПВО не дотянутся ни ливийские солдаты, ни японская радиация. И в этом отношении союз США и Франции с радикальными исламистами (которые составляют основу ливийских повстанцев с северо-востока Ливии — региона, где на 1,5 тысячи человек населения приходится один известный Западу боевик «Аль-Каиды») рационален. Ведь именно исламистские боевики — лучшие хаотизаторы современного мира.

Пока единственной явной неудачей «новых кочевников» стал Алжир: ужас его управляющей системы перед исламским фундаментализмом дал ей иммунитет перед протестами. А ведь развитие его по тунисскому или египетскому вариантам прервало бы поставки газа в Европу, посадило бы ее на «голодный паек» и, вынудив европейцев самим делить друг друга на страны «первого» и «второго» сорта, безжалостно ограничивая доступ последних к энергии, положило бы конец европейскому проекту. Но «арабская весна», оборачивающаяся «исламской зимой», не закончена. Вероятно, попытки дестабилизации Алжира еще впереди, а если вторая после Югославии и создания раковой опухоли в виде Косова и косовской оргпреступности попытка торпедирования европейского проекта окончится неудачей — придет время следующих.

Последствия «исламской зимы» для России

Обычно при оценке последствий исходят из сугубо бухгалтерских оценок. Считают потери по обещанным, но не заключенным ливийцами военным контрактам, по контракту на строительство железной дороги и иным

проектам. Потом говорят: «Но зато из-за напряженности нефть подорожает или не подешевеет». Потом вспоминают, что цена нефти мало связана с благосостоянием народа, так как основную часть нефтедолларов выводит на Запад криминальная бюрократия. Такой подход, как и всякий бухгалтерский, драматически неполон. Прежде всего, прямая и явная военная поддержка Западом радикальных исламистов против какого-никакого, но законного и признанного тем же Западом режима откровенно пугает. Особенно если вспомнить массивную информационную (и не только) поддержку, оказывавшуюся Западом исламским террористам в их борьбе против России во время первой и даже второй чеченских войн.

Новая зона нестабильности, особенно Ливия, при поддержке Запада легко может стать новой глобальной площадкой для подготовки исламистских боевиков — неким подобием того, чем была Чечня в годы своей фактической независимости, после подписания предательского Хасавюртовского мира. Бить «руку кормящую» боевики побоятся — а значит, Россия может занять в списке их целей заметное место. Если учесть состояние отечественных «правоохранительных» органов, придется констатировать: нестабилизация Большого Ближнего Востока (особенно вкупе с воцарением в Афганистане «Талибана» и возможным превращением таджикской диаспоры в «пятую колонну» Ирана) может аукнуться России новой террористической войной.

Но главное и уже очевидное последствие агрессии — фактически окончательная отмена международного права. И в Югославии в 1999-м, и в Афганистане в 2001-м, и в Ираке в 2003 году это было именно «попрание норм», которое вызывало масштабный протест, в том числе и на самом Западе. «Попрание норм» — значит, было что попирает. Сейчас же протеста нет — значит, попирает нечего.

Агрессия США и их сателлитов против Ливии показала, что можно просто придумать конфликт, высосать его из пальца — и на этом основании начать «вбамбливать» страну в каменный век».

Можно купить или напугать послов страны, чтобы они остались на ПМЖ и сделали все требуемые заявления, фальсифицировать события при помощи постановочных съемок (которые транслируют глобальные телеканалы, игнорируя реальные новости) и голословно обвинить руководителя суверенного государства в чудовищных зверствах. При этом признавая легитимным руководителем нового государства бывшего министра юстиции — который, если Каддафи действительно творил какие-то беззакония, должен нести ответственность за них первым после Каддафи.

Впрочем, даже министр обороны США Гейтс был вынужден признать, что признаков преступлений Каддафи против мирного населения, о которых трубила и западная, и российская пропаганда, не удалось обнаружить ни разведкой, ни самыми изощренными способами технического наблюдения. Разумеется, это отнюдь не остановило пропаганду. Как сказал один из руководителей глобального телеканала, «у нас нет цензуры — у нас есть редакционная политика». После чего помедлил и пояснил: «Она эффективней».

Агрессия против Ливии показала: можно полностью фальсифицировать реальность и на основе этой фальсифицированной реальности протащить через Совет Безопасности ООН нужную резолюцию — с грубейшим нарушением регламента (не было дано слова представителю Ливии). А затем, когда законное руководство страны возопит о прекращении огня и приеме международных наблюдателей, можно спешно напасть на нее — чтобы наблюдатели не успели прибыть и зафиксировать чудовищную ложь глобальной пропаганды. Напасть, кстати, в прямое

нарушение Устава ООН, требующего создания для подобных операций международного командования под эгидой ООН и с грубым превышением мандата, — но возмущаться этим уже некому.

Вот в этом отсутствии субъекта протеста — если, конечно, не считать спешно уволенного и разжалованного посла Чамова — и заключается качественная новизна, качественно более высокий цинизм ситуации, который можно определить термином «исчезновение международного права». Не «попрание», а «исчезновение» — разница велика. Это исчезновение опасно для России реализацией древнеримского правила «Горе побежденным» и созданием ситуации, когда единственным способом защиты от бомбардировок является не просто наличие ядерного оружия и средств доставки, но и готовности их применить. Это конец нераспространению: теперь лидера, пытающегося обзавестись собственным ядерным оружием, нельзя обвинить ни в чем, кроме разумной предусмотрительности.

В самом деле: почему никто не смеет тронуть пальцем многократно проклятые Северную Корею и Иран? Потому что у первой есть ядерная бомба, а у второго — радиоактивные материалы, которые могут быть использованы в «грязной» бомбе. А почему Ливию превращают в новое Сомали? Потому что полковник Каддафи в свое время отказался от создания своего ядерного оружия и не построил даже обычной военной промышленности. Для России особенную опасность в этих условиях приобретают либералы, непосредственно перед нападением на Ливию заявившие о том, что ядерное оружие России является помехой для модернизации. Это производит впечатление информационной подготов-

ки к отказу России от ядерного оружия для ее подчинения внешнему диктату.

Но такую позицию, при всем желании, нельзя назвать предательством. Ведь ключевая часть либералов по всему миру осознает себя частью не своей страны, а глобального управляющего класса. Для них предательство — это защита интересов страны и народа их биологического происхождения от притязаний этого класса, в частности — глобальных монополий. А уничтожение своей страны и своего народа вполне может оказаться для них почетным долгом, исполнением которого они будут искренне гордиться до конца своих дней. Формула будущего проста: «терпите либералов? — готовьтесь к бомбежкам!»

За ушко да на солнышко?

Но что нового происходит в мире? Что и почему заставило проявиться почти в явном виде глобальный управляющий класс именно сейчас? Ответ очевиден: мировой экономический кризис. Глобальный рынок породил глобальные монополии: их некому регулировать, им не с кем конкурировать — и они, как им и положено, загнивают. Вся мировая финансовая система под истошные крики о намечающемся

Страшным звоночком во время паники по поводу Фукусимы стало прямое предупреждение США в адрес японского государства, чтобы оно и не думало продавать американские гособлигации.

выходе из кризиса качается на грани глобальной депрессии, в пропасть которой одинаково страшно заглядывать и профессиональным оптимистам, и «соловьям Апокалипсиса».

Страшным звоночком во время паники по поводу Фукусимы стало прямое предупреждение США в адрес японского государства, чтобы оно и не думало продавать американские гособлигации. Это уже не пугающий рост доли краткосрочных бумаг — это прямое ограничение ликвидности, балансирующее, по сути дела, на грани технического дефолта. Недаром крупнейшим кредитором правительства США стала ФРС.

Стандартным, позитивным выходом из ситуации загнивания монополий в отсутствие источника внешней конкуренции является технологический рывок, который ослабляет степень монополизации. Но именно поэтому монополии стремятся сдерживать технологический прогресс — и надгосударственный всеобщий глобальный управляющий класс выполняет эту функцию. Человечество, поколение назад мечтавшее о космосе и бесплатной энергии, сегодня может рассчитывать лишь на 3D-телевизор, очередной айфончик и диет-колу. А раз быстрый позитивный выход через технологический рывок невозможен — наиболее вероятно попытка негативного выхода, через либеральную экономию на спичках и ограничение потребления «лишнего населения», что означает сваливание в депрессионную спираль.

Глобальный монополизм непосредственно проявляется через нехватку спроса. Сталкиваясь с ней в условиях, когда генерировать спрос путем увеличения денежной массы становится из-за чрезмерного объема денег уже невозможно, глобальные монополии начинают инстинктивно сокращать издержки. В глобальном масштабе это сокращение потребления населения, которое потребляет больше, чем производит. При этом «под ударом» оказываются отнюдь не нищие: за счет сокращения их и так небольшого потребления много не выгадаешь. Сжатие потребления ждет средний класс, становящийся ненужным из-за рас-

пространения сверхпроизводительных постиндустриальных технологий. Он последовательно уничтожался в Африке, Латинской Америке и на постсоциалистическом пространстве; теперь приходит очередь среднего класса «ядра» капиталистической системы — развитых стран, утративших свою сакральную ценность в глазах эмансипировавшегося от них глобального управляющего класса.

Важно, что социальная утилизация среднего класса развитых стран — пресловутого «золотого миллиарда» — не решит проблем, но переведет их в новые, постэкономическую и постдемократическую плоскости. Демократия существует от имени и во имя среднего класса. После его утилизации на его костях она превратится в информационную диктатуру, основанную на массовом формировании сознания людей. И путь к этому не так уж и далек: давайте, например, проверим самих себя. За счет управления нашим сознанием при помощи информационных потоков большинство из нас твердо знает, что Каддафи злодей — потому что глобальные СМИ обвинили его в массовых бомбежках собственных мирных городов и преступлениях по отношению к мирному населению. При этом мы знаем, что этого не было, а нефтедоллары делились с населением более справедливо, чем, например, в сегодняшней России, — но «осадак остается»: наряду с осознанием лживости обвинений подсознательно мы ощущаем, что Каддафи плох, и защищать его — стыдно. Таково действие современных информационных технологий даже на критическое, осведомленное и не шокированное личными несчастьями сознание. В ходе же «зачистки» среднего класса Запада это сознание будет лишено критичности современной системой образования, запутано информационными атаками и приведено в пластичное состояние личными шоками — разорением.

В глобальном плане массированное формирование сознания приведет к завершению начинающегося сейчас процесса расчеловечивания, расцивилизации: к отказу от суверенитета и самосознания личности, этого главного достижения эпохи Просвещения, и возврату к слитно-роевому ее существованию — может быть, через ломающие психотип бедствия. Первый шаг к этому сделан: декартовское «Я мыслю — следовательно, существую» давным-давно подменено обществом массового потребления более комфортной формулой «Я покупаю — следовательно, существую».

Массовое зомбирование, позволяющее создать ощущение полноценного потребления у человека, почти не имеющего возможности покупать (движение к этому можно наблюдать, например, в современной Прибалтике и Восточной Европе в целом), делает ненужной рыночную экономику. Если человеку без особого труда можно внушить, что нанесение на вещь того или иного лейбла в разы повышает ее стоимость (а это положение уже достигнуто) — обмен в массовом порядке становится неэквивалентным. А неэквивалентный обмен, то есть грабеж, возведенный в основу экономических отношений, не просто подрывает — он отменяет рынок. И это естественно: социальная утилизация среднего класса лишит современную экономику спроса — а экономика без спроса нерыночна.

Благотворительность — лучший бизнес?

Крупнейшие капиталы предчувствуют, а возможно, и предвидят будущее: в их среде наблюдается отказ от собственно рыночной активности в пользу создания новых правил и стандартов в виде новых культур. Перенос значительной частью богатейших людей (от Гейтса до Потанина) своей

активности в сферу благотворительности не обязательно является «уходом от дел». Хотя благотворительная оболочка действительно эффективно защищает капитал от налоговых расследований, главное в другом: благотворительность как организация целых направлений некоммерческих организаций стала стратегическим инвестированием — в производство не вещей, но новых стандартов, смыслов, идей и структурообразующих организационных конструкций. Это самый рентабельный бизнес, качественно новая сфера массовой глобальной конкуренции; СМИ — лишь инструменты трансляции, навязывания, экспансии новых смыслов.

Непосредственно этот переход вызван кардинальным изменением систем управления. Значение бизнеса по формированию стандартов и стратегий выросло в условиях перехода от иерархических систем управления к сетевым. Этот переход не закончится: участие в конкуренции будут принимать сочетания тех и других. На низшем уровне находятся непосредственно действующие сетевые организации, направляемые и отчасти конституируемые иерархическими структурами, находящимися на втором уровне глобального управления. Но сами они — лишь исполнители воли, приводные ремни сетевых структур, какими являются ступки глобального управляющего класса.

Степень иерархизации мира снизилась — причем как внизу, так и наверху управленческой (и социальной) пирамиды: господа вполне диалектически оказались подобием рабов (а занимающие промежуточное положение менеджеры «выпали из контекста», что сулит массу интересных социальных коллизий вроде братания владельца корпорации со студентом-протестантом через голову топ-менеджмента; впрочем, популярные в США сюжеты с комиком, ставшим или едва не став-

шим президентом, могут быть эхом и этой коллизии тоже).

На практике снижение иерархии систем управления означает снижение роли старых, внешних для личности, административных рычагов и рамок управления — и потребность в появлении новых рычагов и рамок. В сетевой структуре субъект действия ограничивается и направляется не приказами, а собственными представлениями и «духом комьюнити». Поэтому новая система управления должна формировать мотивации и правила: стандарты поведения, принципы («что такое хорошо и что такое плохо») и основные смыслы, определяющие повестку дня, по которой действует и субъект, и организация. Этим занимаются некоммерческие (аналитические, так как среди «сетевых исполнителей» тоже достаточно НКО) организации, оплачиваемые через благотворительность, которая стала важнейшей формой стратегического инвестирования.

Рыночные отношения заменяются отношениями по формированию глобальным управляющим классом стандартов, норм и правил — и это все больше чувствуется и в России.

Что сказал Байден

«Моментом истины» для России стал визит вице-президента США Байдена. Скорее всего он попросил Медведева не накладывать вето на резолюцию Совбеза ООН по Ливии, пообещав не наносить по ней удара до визита министра обороны США Гейтса, который должен-де как военный человек оговорить все собственно военные аспекты. После согласия России последовала военная операция — и задержка визита Гейтса: война требует внимания министра обороны, а визиты вежливости могут и подождать.

О том, что российские власти цинично обманули, свидетельствует ис-

терическая, на 180 градусов за одну ночь, как во времена Сталина или рейда Басаева в Дагестан, смена позиций официозных телеканалов. Да, похоже, американскому руководству просто нельзя верить. Возникает ощущение, что его представителям просто неведомы понятия «правда» и «ложь» — достаточно вспомнить успокоительные заявления Обамы о том, что сухопутной операции не будет, после которого выяснилось, что американские сухопутные войска находятся в Ливии уже 10 дней... Но вероятный циничный обман не мог быть возможен без встречного — и притом массового — желания российских руководителей. «Ах, обмануть меня несложно: я сам обманываться рад».

Не будем забывать, что для российской политики главным смыслом визита Байдена было определение будущего российского президента. Ведь на выборах 2012 года победителем должен был быть назначен¹ тот представитель правящей бюрократии, который на них пошел бы, — и весь смысл выборов заключается в неформальном определении ею (до конца 2012 года) своего будущего вожака. А поскольку ее основную часть составляет, по гениальному определению Суркова, «оффшорная аристократия», сосредоточившая на Западе критическую часть своих активов — от счетов и недвижимости до семей — и потому полностью зависима от Запада, последний имел полное право считать себя главным избирателем следующего президента России.

И Байден не просто проголосовал, но и сделал это с особым цинизмом: вице-президент США заявил в лицо «национальному лидеру», что ему не нужно идти на следующие выборы. Это

¹ Разумеется, под видом выборов. Как, помнится, заверил общественность один из бонз Центризбиркома по поводу выборов-2008, «выборы президента Медведева пройдут с полным соблюдением самых высоких демократических стандартов».

чудовищное унижение, немыслимое даже по отношению к американским сателлитам, но Байден пошел дальше — он рассказал об этом оппозиционерам, твердо зная, что хоть кто-то из них, но предаст его сообщение гласности! И молчание госдепа США и МИД России, подтвердив рассказ Каспарова, сделали невероятное унижение Путина публичным. Похоже, на фоне судебных Каддафи и Мубарака (убедительно доказавших, что сохранение власти является единственным способом сохранения жизни) это привело к результату, противоположному намеченному: Путин сделал выбор, и его возвращение в Кремль практически предопределено. Американцы опять запутались в «загадочной русской душе».

Но нам важнее то, почему американское руководство в лице Байдена выдало «ярлык на княжение» именно Медведеву.

Либеральный клан: египетский вариант для России

Медведев производил впечатление не играющего самостоятельной роли «фронтмена» рвущегося к власти либерального клана. Этот клан един в своих официальных и формально «оппозиционных» группах (признак этого — свободный приход либеральных «оппозиционеров» вроде Н. Белых на госслужбу) и, по-видимому, является туземной обслугой глобального управляющего класса. Ставка на Медведева выглядит как ставка на «своего парня» в противовес засидевшемуся и надоевшему своей недостаточной прозападностью «авторитаристу».

Этот выбор полностью аналогичен сделанному в Египте. Мубарак был самым проамериканским и произраильским из всех его возможных лидеров — но он надоел и стал выглядеть недостаточно либеральным по сравнению с аль-Барадеи (о котором

в разгар революции вспомнили ровно на полдня). И верность Западу не помогла Мубараку — а полная недееспособность либералов стала, как в России после Февральской революции, хотя и неприятным, но в итоге мелким сюрпризом. Позиция глобального управляющего класса амбивалентна, как и везде: придет к власти «свой парень» и будет делать, что скажут, — хорошо. А если он не удержит стабильность, и возврат политики в стиле 1990-х окунет страну в хаос — для глобального управляющего класса тоже нет ничего страшного: в мутной и кровавой воде ловится более крупная рыба.

Приходится констатировать: угроза установления китайского контроля над Сибирью, хорошо воспринимаемая представителями американской национальной бюрократии, в отношении представителей глобального класса не работает. Они мыслят не столько материальными ресурсами, сколько информационными потоками и ощущениями. Возможно, скачкообразное расширение Китая для них означает новые прибыли — через качественный рост глобальной напряженности. В этом случае США потерпят стратегическое поражение — но, похоже, глобальному управляющему классу их уже не жалко.

Конечно, китайское руководство, в отличие от американского, не манипулируемо и самостоятельно — но смена поколений (в результате которого, как в Израиле, «отмороженные» патриоты сменяются получившими западное образование и нацеленными на бонусы менеджерами) меняет ситуацию. Возможно, глобальный управляющий класс просто вырос, и скорлупа американского национального правительства тесна для него. Может быть, он просто второй раз подряд совершает ошибку: ведь, освободившись от государства, он освободился и от части его аналитических возможностей. Но, так или иначе, результат ви-

зита Байдена очевиден: США публично проголосовали за Медведева — и, соответственно, за обрушение нашей страны в новые 1990-е, а затем и новый системный кризис. И их вероятная неудача отнюдь не отменяет их системы ценностей.

Наступление либерального клана развивается успешно

Рост недовольства общества умело фокусируется преимущественно на Путине, и в особенности — на возглавляемой им «Единой России». Медведев одновременно выводится из-под критики и позиционируется как надежда на светлое будущее. «Либерализация» Уголовного кодекса готовит вторую криминальную революцию, призванную придавить и переформатировать протест. Для обеспечения пластичности общественного сознания возможны чудовищные зверства на этнической почве — подобно осуществлявшимся в 1992 году в Приднестровье. Для подготовки подавления протестов беспрецедентно расширены полномочия силовиков (МВД, ФСБ, Следком); судебная система, насколько можно судить, превращена в придаток исполнительной власти; проводится модернизация ОМОНа и внутренних войск (с фактической ликвидацией армии как боеспособной силы). Фоном является непрекращающийся рост цен, разрушающий благосостояние населения, и ухудшение внутренней конъюнктуры на фоне беспрецедентно дорогой нефти.

Либеральный клан как представитель коррупционной части бюрократии заинтересован в углублении коррупции (признак — предложение Высшей школы экономики и Минэкономразвития разрешить проводить крупные госзакупки без конкурса). Целостность страны, похоже, не является для него ценностью, и Россия может быть дезинтегрирована:

с точки зрения правящей тусовки — от беспомощности и для «заматания следов», с точки зрения глобального управляющего класса — в рамках стратегии глобальной хаотизации. При американской поддержке либеральному клану не нужно соблюдения даже минимума демократических приличий — как оно было не нужно Ельцину в октябре 1993-го и в июне—июле 1996 года. Не нужно это соблюдение и силовому клану, хотя и по строго противоположной причине: в случае поражения ему нечего терять, ибо либеральный клан пленных не берет.

Задачи здоровых сил

Своими действиями правящая бюрократия показывает, что ей чужд народ России и не нужно никакое конструктивное взаимодействие с этим народом. После назначения президента и оформления этого назначения в ходе выборных процедур 2012 года Россия будет ввергнута правящей тусовкой в жестокий системный кризис.

За отпущенное время здоровая часть народа России должна стать организованной силой, чтобы, взяв власть в условиях системного кризиса, свести к минимуму его разрушительные последствия и провести оздоровление государства быстро и безболезненно для страны. Общество должно понять, что *коррупцированная бюрократия — не более чем служба глобального управляющего класса, что в этом качестве она превратила само государство в машину уничтожения России*, в машину переработки биомассы, по праздникам именуемой «населением», в личные миллиардные капиталы. Оздоровление государства, очищение его от скверны коррупции — а значит, и от правящего класса — условие выживания не только России, но и каждой российской семьи.

Делегитимация выборов — незаконность будущей власти

Принципиально важно, что попираемые правящей бюрократией демократические нормы появились не из стремления к гуманизму и нравственному самосовершенствованию, а из простейших функциональных соображений: люди подчиняются только той власти, легитимность которой они признают. В разных культурах источник легитимности различен. Это может быть божье помазание, закон, традиция или решение группы старших товарищей (как, например, в Китае). Это могут быть выборы — как в условиях демократии. В России источником легитимности, как это ни парадоксально, является не телевизор, не «побеждающее зло» «бабл» и даже не пресловутый «вашингтонский обком», а выборы. Не потому, что наше общество демократично — огромная часть общества искренне полагает традиционную западную демократию не высшей и самодостаточной духовной ценностью, но лишь инструментом вроде гаечного ключа: подходит — хорошо, нет — ищем другой.

Выборы являются источником легитимности российской власти из-за неукорененности или неприемлемости всех остальных ее источников. Демократия для нас носит остаточный характер. Мы живем строго по Черчиллю: даже те, кого от нее мутит, понимают, что альтернативы не годятся. С 1996 года государство ставит эксперимент над самим собой, с нарастающей интенсивностью демонстрируя народу, что его воля больше не имеет отношения к выборам. Но в последние годы ситуация ухудшилась качественно. Выборы становятся нелегитимными уже не из-за вопиющего неравенства в доступе к рекламе, не из-за поражающих воображение фальсификаций и не из-за возмож-

ности нарушения тайны голосования при использовании электронных устройств.

Выборы становятся нелегитимными еще до своего объявления, ибо к ним не допускаются новые политические структуры. В условиях быстрого изменения структуры общества, идущего все 2000-е годы, это означает, что огромная — а возможно, и преобладающая — его часть гарантированно не будет иметь своего политического представительства. Ведь к выборам допускаются только старые политические структуры, опирающиеся на социальную и эмоциональную базу прошлого, и не допускаются те, кто отражает новые интересы, новые понимания и новые смыслы, рождаемые обществом. Даже если все голоса будут посчитаны правильно, если все партии получат равный доступ к возможностям агитации, если бизнесмены не будут прятаться под стол от страха при одной мысли, что у них могут попросить денег не на «Единую Россию», — даже тогда нелегитимность выборов будет очевидной. Ибо отказом регистрировать новые политические партии огромная часть общества лишена самой возможности политического представительства.

Есть очень простой способ проверить изложенное. Ведь, если власть действительно отражает волю народа (это позиция думающих, что нарушения на выборах несущественны), она не может уничтожить его: если власть порождена народом, она ему служит. Что же делает бюрократия, управляющая государством? Насколько можно понять, она последовательно уничтожает социальную сферу, эффективно дебилизируя население. Она лишает граждан даже теоретической возможности самозащиты, предоставляя беспрецедентные полномочия представителям «правоохранительных» органов и превращая судебную систему, по всей видимости, в кара-

тельный орган «круче сталинского НКВД».

Призывая к модернизации России, правящая тусовка выводит ее деньги за рубеж, по сути, направляя их на модернизацию наших стратегических конкурентов. Захлебываясь от нефтедолларов, утопая в фантасмагорической роскоши и заморозив в бюджете более половины его годовых расходов, правящая бюрократия цинично заявляет об «отсутствии средств» на самые насущные нужды народа, усиливает его налогообложение и обсуждает повышение пенсионного возраста сверх продолжительности жизни! Этот список можно продолжить десятками конкретных примеров, которые доказывают: современная власть не служит народу — и, соответственно, не порождена им.

Ее действия производят впечатление преступных, что возможно в одном случае: если она нелегитимна. Ведь легитимная, то есть порожденная народом и опирающаяся на него власть, была бы немедленно поправлена им. Это подтверждает высказанную гипотезу: современная российская власть скорее всего нелегитимна, — и запрет на признание новых политических сил гарантированно делает власть, сформированную по итогам избирательных спектаклей 2011 и 2012 годов, нелегитимной, то есть незаконной.

Обрекающей Россию на корчи и муки системного кризиса, через который один можно освободиться от контроля глобального управляющего класса и обрести подлинный, а не формальный суверенитет. ◆